

**Школа общины
с Хулианом Карроном**

21 октября 2015 г.

Милан

Школа общины с Хулианом Карроном

Милан, 21 октября 2015 г.

Текст: Д. Проспери, Х. Каррон. «Глазами твоими смеется небо – странное, не твое».

- *The things that I see*
- *E se domani*

Слава...

Veni Sancte Spiritus

Давайте начнем нашу встречу. Я прочитаю вам письмо, которое один человек написал другу (а тот отправил его мне). Оно кажется мне важным с точки зрения метода, в нем хорошо видно, что значит работать над текстом Дня начала года, – это благодать, данная одному для всех. «Как-то раз мы решили обсудить за ужином некоторые проблемы, связанные с работой. Все мы из Движения и поэтому обычно затрагиваем и вопросы, связанные с ним. В тот раз мы говорили о Дне начала года, который только-только состоялся. Как тебе известно, я вот уже почти двадцать лет не принимаю участия ни в каких мероприятиях Движения, хотя меня и можно назвать симпатизирующим. Перед ужином я распечатал текст с сайта. Я не читал его, но мне было крайне любопытно узнать от других, какие указания Движение дает на этот год. Сказать честно, если бы мне представилась возможность или кто-нибудь пригласил меня, я бы, наверное, пошел на День начала года. Наше обсуждение пестрело цитатами и разъяснениями некоторых мыслей Каррона. Как обычно, не было недостатка и в утонченных наблюдениях о том, чем Каррон отличается от Джуссани: “Тут Джус сказал бы иначе”, “В этом контексте Джуссани выразился бы по-другому”, “Прекрасно подмечено”, “И здесь тоже здорово сказано”, “Прямо в точку попал...” В смысле богословия это, конечно, правильные и глубоко интеллектуальные вещи, однако же они не удовлетворили моего любопытства. Слушая друзей, я спрашивал себя, почему, собственно, мне стоит заинтересоваться? На протяжении двадцати лет я никак не перестану размышлять о том, есть ли смысл вновь вовлекаться в опыт, который изменил мою жизнь и которому когда-то давным давно я отдавал всего себя? Почему я должен вновь прирасти к нему? Только для того, чтобы вставить свои пять копеек в не слишком-то интересный спор? Я вернулся домой за полночь в полном разочаровании. Позволь мне привести смелую цитату об учениках, шедших в Эммаус: “Мы надеялись было, что Он есть Тот..., но...” Вот и я надеялся, что на ужине для меня произойдет нечто важное. Уже после я начал внимательно читать текст, который распечатал, – мне никак не хотелось верить, что все на этом закончилось. И я в буквальном смысле был поражен! Я читал и перечитывал лекцию Каррона, и чем дальше, тем больше его слова трогали меня. Он обращался лично ко мне, говорил о моей ситуации, о моем упертом противодействии той притягательной красоте, которая увлекла меня много лет назад и в возможность которой для меня я уже и не верил. Я не хочу повторять или как-то истолковывать День начала года, но я действительно вдруг прозрел, подобно слепорожденному. Я понял, увидел, насколько, по сути, все просто, все для меня,

и я не в состоянии отрицать эту притягательность. Все просто. Как говорится в лекции, “неужели кто-то может думать, будто метод, изобретенный нами, окажется более действенным, нежели метод, избранный Богом? Нечего и надеяться, что наши дела позволят нам вернуть утраченное. И поэтому наша ответственность состоит в том, чтобы не противиться методу Бога”. Все просто, не нужно ничего изобретать. Метод принадлежит Богу, и он ничего общего не имеет со спорами о Карроне и Джуссани, о правильности и подлинности видения харизмы и так далее! В лекции все сказано. Возможно, я не способен повторить и объяснить это, но стоит просто читать – все ясно и просто. Вслед за слепорожденным я говорю, что знаю только одно: “Раньше я не видел, а сейчас вижу”. Думаю, если я дерзну подвести итог Дня начала года, то для этого отлично подойдут слова Джуса, которыми завершается книга *Decisione per l'esistenza*. С самых первых дней, сорок лет назад, когда меня увлекла за собой та самая притягательность, фраза эта неизгладимо впечаталась в мою память: “Путь Господа прост, как путь Иоанна и Андрея, Симона и Филиппа, которые начали следовать за Христом, движимые любопытством и желанием. Нет, по сути, иного пути, кроме того, что проложен любопытством, исполненным желанием и пробужденным предчувствием истины” [фраза впоследствии вошла в книгу: Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*].»

На мой взгляд, это письмо поднимает для каждого из нас основополагающий вопрос о методе, о способе работы: сегодня над лекцией Дня начала, завтра – над текстом «Признать Христа», послезавтра – над книгой «Зачем Церковь». Мы говорили об этом на Дне начала года, на это всегда настаивал Джуссани: событие веры всегда и в любых обстоятельствах первостепенно. И это, как мне кажется, никто из нас не осмелится поставить под сомнение, ведь в таком случае нас бы здесь не было, мы бы не остались верны изначальному опыту, который привёл нас сюда. Однако впоследствии, когда событие уже произошло, мы можем изменить метод, словно потом нам больше не нужно то же самое событие, чтобы вновь сделать участие в Движении привлекательным для нас. Разочарование, описанное в письме, возникает, когда мы меняем метод, когда сопротивляемся методу Бога. По-моему, крайне важно осознавать это, именно такое замечание делает и отец Джуссани, указывая на природу христианства. В противном случае мы можем давать какие угодно комментарии, но люди, слушающие нас, неизбежно вернутся домой разочарованными и скажут: «А мы то надеялись...» Недостаточно говорить: «Это так, а то – этак». Можно спорить и вести разговоры часами, но не нам решать, что зацепит другого, что соответствует ожиданиям его сердца. Это происходит, когда происходит. Событие – надеюсь, мы в курсе? – происходит так, как рассказано в письме нашего друга, и каждый из участников того не оправдавшего надежд ужина не смог бы возразить. «Если событие веры <...> считается само собой разумеющимся и все сводится исключительно к разъяснениям, или к диалектике <...> кому из нас оно будет интересно? Мы и на минуту на нем не остановимся. «Никакие наши усилия не в состоянии произвести человеческую новизну, благодаря которой Христос увлекает нас и пробуждает в нас интерес к Себе» (*«Глазами твоими смеется небо – странное, не твое»*. С. 12). Так случилось с Авраамом: он не смог бы самостоятельно воспроизвести даже мгновение той новизны, что вошла в его жизнь. Вот поэтому-то, как мне кажется, прочитанное мной письмо только подтверждает путь, по которому мы идем.

Привет.

Привет. Чем ты занимаешься?

Я музыкант. У меня вопрос по поводу примера Кьеркегора с клоуном и деревней. Он до сих пор не слишком ясен для меня, хотя я уже обсуждал его на моей школе общины. Лучше даже так: сам по себе пример понятен, не понятно его значение в рамках первого пункта твоей лекции («Обстоятельства и формы свидетельства»). Прочитываю еще две твоих фразы: «И чтобы не показаться клоуном, он [Джуссани] сразу же стал пытаться показать неотъемлемость веры от потребностей жизни»; «Будучи хорошо знакомым с христианской доктриной, он [все тот же Джуссани] вынужден был задаться вопросом о наиболее сообразном способе передачи истины – предвечной истины – в стремительно менявшемся контексте» («Глазами твоими смеется небо – странное, не твое». С. 8). Я бы обобщил вызов следующим образом: как, с помощью какой стратегии можно свидетельствовать об истине христианства и не превратиться при этом в клоуна? Но ведь речь не только об этом, правда?

Точно.

Действительно, я думал о жизни многих святых, в частности о святом Павле. Деяния так описывают его речь в афинском ареопаге: «Услышав о воскресении мертвых, одни насмехались [прямо как у Кьеркегора], а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время» (Деян. 17:32). В общем, можно сказать, что и в Павле тоже видели клоуна. Но, несмотря на это, далее в тексте сказано: «Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали» (Деян. 17:34). Сам Иисус оказался в таком же положении, если не хуже, ведь в Евангелии мы читаем: «Сняли с Него одежды и облачили в багряницу, увенчали главу тернием, а в руку дали трость. Потом преклоняли колени перед Ним, насмехались [еще раз то же слово] и говорили: “Славься, царь Иудейский!”» Он же не отступил и все равно спас мир. Кажется, почти неизбежно приходится выступать в роли клоуна. Почему же ты так заострил на ней внимание?

А почему, по-твоему, Джуссани настаивает на том, что обстоятельства играют решающую роль в определении формы нашего свидетельства? Будьте внимательны, не запутайтесь. Примеры из Нового Завета, которые ты привел, указывают на один очень верный аспект: всегда можно отвергнуть истину как таковую. Входя в отношение со святым Павлом, с Иисусом, с тобой, со мной, люди могут присоединиться или нет. Но я – я – прежде, чем это произойдет, должен спросить себя, сообщая ли им истину сообразным способом. Джуссани именно так поступал. Многие из тех, кто встретил его, раньше уже слышали проповедь Церкви, но отмахнулись от нее. Они сами об этом говорят, как говорит об этом и отец Джуссани. Немало из его учеников в Берше происходили из христианских семей и когда-то так или иначе участвовали в жизни Церкви, но потом отреклись от нее. Так почему же впоследствии в свидетельстве отца Джуссани они вновь расслышали призыв к церковной жизни? Потому что поняли: его свидетельство больше других подходит для ответа на потребности их жизни. Поэтому отец Джуссани настаивает, что не все способы свидетельства одинаково уместны, ведь вера существует в реальных исторических обстоятельствах. Усилия Второго Ватиканского собора были направлены не на внесение поправок в доктрину, а на поиск наиболее сообразных способов сообщать ее в изменившемся историко-культурном контексте. Понимаете? Это не значит, что перед лицом истинного свидетельства (как в случае со святым Павлом или Иисусом) человек не вправе ответить нет, – только этого нам

не хватало! Любой вызов, брошенный истиной, может быть отвергнут, поскольку он обращен к человеческому разуму и свободе. Однако прежде чем винить других в том, что они его отвергают, я всякий раз спрашиваю себя, выбрал ли я наиболее подходящий способ говорить об истине. Я хочу быть уверен, что люди говорят нет не потому, что способ моего свидетельства не был адекватным, а потому, что таков выбор их свободы – отвергать истину как таковую.

Не рискуем ли мы в этом случае подогнать успех благовестия под какие-то мерки?

Проблема не в мере, а в том, чего ты желаешь для другого. Разве отец не захотел бы сообщить сыну истину наиболее убедительным образом? Или подумай о себе самом: когда ты преподаешь музыку, разве тебе не хочется делать это так, чтобы в твоих учениках разгорелась любовь к ней? Тебе не встречались люди, которые терпеть не могут музыку, потому что их с ней познакомили откровенно неподходящим способом? Тебе ли этого не знать! Вот в чем проблема, и проблема эта реальна. Другой вопрос в том, что, даже учась у блестящего учителя музыки, человек может не принимать ее. Свобода другого даже не обсуждается. Но от этого не становится меньше твое желание улучшить и перепроверить способ сообщения предмета, чтобы пробудить в твоих учениках любовь к нему. Так или не так?

Так. Спасибо.

И люди это понимают.

Я медсестра. Несколько недель назад, еще до Дня начала года, в моем сердце постоянно возникал вопрос о смысле времени, которое я провожу в больнице и которое становится все более обширной частью моей жизни. Иногда этот вопрос оборачивался сомнением: в правильном ли месте я нахожусь? Или: действительно ли я что-то созидаю? Однажды утром старшая медсестра позвала меня, чтобы обсудить предложение об учебе. Я уже собиралась уходить от нее, когда она остановила меня: «Подожди, я должна сказать тебе что-то важное». Я по глупости подумала: она меня застучала...

Узнала, что ты что-то натворила...

Именно. Она же посмотрела на меня и сказала: «В эти первые месяцы работы я часто за тобой наблюдала и заметила одну вещь: когда ты в отделении, тут дышится по-другому и все работают сообща. Каждый сотрудник: уборщица, твои коллеги медсестры, хирург – желают, чтобы их охватила лихорадка жизни, какая есть в тебе. И ты ничего особенного для этого не говоришь и не делаешь, да и вообще ты новенькая, тебе всему еще надо научиться. В этом месте всегда до боли не хватало работы в команде: все сами по себе молодцы, хорошо подготовлены, но часто неспособны принять другого. Ты же – подарок, которого мы очень ждали». Я словно язык проглотила. В этот момент в кабинет зашел медик и попросил меня сделать переливание, и уже через минуту я погрузилась в жизнь отделения. Внезапно я подумала: вот мера, которой Ты меряешь меня; я сама не посмотрела бы на себя так, а Ты смотришь, и меня, как и мою начальницу, поражает то, что Ты творишь в моей жизни. Однако этого недостаточно, мне бы хотелось больше любить эту женщину, больше любить моих коллег, больше любить мое отделение. Чем яснее жизнь

показывает, что отношение с Ним бесконечно, чем чаще я встречаю Его, тем сильнее мне хочется вновь увидеть Его. Свидетельство должно совпадать с изумлением перед Ним и потребностью еще больше быть с Ним, как ты говорил во время Дня начала года, вспоминая апостолов: важны не дела, не правильные слова, важно позволить изумлению увлечь тебя. И именно благодаря этому я могу породить что-то там, где нахожусь.

И других поражает то, как ты выполняешь твою работу. Свидетельство не означает «неделания», это «иное делание» обычных дел, полное новизны, которая входит в жизнь, когда смотришь на Него. Люди замечают это, как мы говорили раньше, и видят в тебе не клоуна, а долгожданный подарок. Вот настоящее свидетельство: присутствие, отвечающее потребностям жизни других людей.

Буду тебе очень благодарна, если ты лучше объяснишь мысль о том, что обстоятельства являются главным, основополагающим фактором личного призвания, – она никак не выходит у меня из головы. Мне нужно понять, что значит, что обстоятельства, особенно самые болезненные, ценны, поскольку через них Тайна призывает нас к Себе. Еще больше чем понять, мне необходимо научиться это принимать.

Прежде всего, обстоятельства – способ, используемый Тайной, чтобы призывать тебя к ответу. Плохие они или хорошие, обстоятельства призывают нас. Поэтому отец Джуссани всегда говорил, что жизнь есть призвание, жизнь есть призыв, с которым Тайна обращается к нам через обстоятельства. Вот почему они являются главным фактором нашего призвания. Ведь Бог не дает тебе определенные обстоятельства, чтобы потом позвать в другую сторону, Он зовет тебя именно в тех обстоятельствах, что ставит перед тобой. А каковы наиболее простые и ясные обстоятельства? Те, что неизбежны: не имея выбора, ты можешь быть уверенной, что они даны тебе Тайной. Тайна не готовит тебя к событию, чтобы потом позволить ему случиться. Например, Он допускает болезнь, а затем дает тебе все необходимое, чтобы понять ее смысл. Он зовет тебя. Иначе Его и не открыть: никто не может постичь этих вещей с помощью воображения, мы познаём их, потому что жизнь призывает переживать их. Так человек способен понять, согласен ли он признать в обстоятельствах призыв Другого, а не серию безликих факторов, или же что за реальностью – и это первостепенный вопрос – стоит благой лик Тайны, зовущей тебя. Ты еще не знаешь, куда ее призыв приведет, может даже показаться, что он «против» тебя, ты можешь его не понимать. Но в силу того, что случилось в твоей жизни, ты не в состоянии не признавать в обстоятельствах Присутствие, которое их тебе посылает. Так открываются «новые процессы», если выразиться словами папы Франциска, открывается новый путь. Вера не избавляет тебя от отношения с реальностью, вера дарует тебе компанию Христа, присутствующего в компании Церкви, и таким образом помогает тебе открыть смысл того, что ты переживаешь. Это крайне важно. И что это значит для тебя? Чем больше обстоятельства ранят тебя, тем острее ты ощущаешь собственную несоразмерность, тем настойчивей звучит призыв признать Тайну, которая посылает тебе жизненные ситуации и позволяет тебе переживать их по-человечески. Кто мог бы переживать, как ты говоришь, самые глубокие раны без поддержки Другого? И как ты это открываешь? Через обстоятельства, ведь, именно когда жизнь припирает к стенке, у тебя

появляется шанс – он никогда не появляется автоматически! – открыться Тайне, позволяющей тебе познать ее в сложившейся ситуации. Все происходит при участии «Ты».

Как я уже писала тебе, мне невыносимо слышать, как смысл песен, обращенных к мужчине или женщине, переносится на более «высокий» уровень.

Нет, нет и нет! Я хочу хорошенько объяснить: смысл никуда не переносится. Я прошу петь определенные песни, чтобы объяснить, что уже на самом элементарном уровне бытия в нас есть ясное и четкое понимание: «ты» (со строчной буквы) не посягает на независимость «я», а делает его самым собой. Мы знали это уже на простейшей ступени человеческого опыта, задолго до того, как Бог стал «Ты», доступным для встречи. Я не прошу исполнять «*La mente torna*», чтобы вы немедленно думали о Христе. Нет. Я прошу исполнять «*La mente torna*», чтобы вы подумали прежде всего, о чем мы поем. Нас окружает менталитет, подталкивающий человека замыкаться в себе; личность воспринимается с индивидуалистической точки зрения, как полная независимость, лишенная каких бы то ни было связей. Вот почему необходимо начинать смотреть и видеть то, что в общечеловеческом опыте для каждого ясно: «Я не существую, когда нет тебя». И если это верно уже на уровне общечеловеческого опыта, то что же происходит, когда жизненные проблемы разрастаются, становятся все более неотложными и давят все сильнее?

Значит, День начала года, как и сегодняшний вечер, открылся такой песней...

Как и сегодня вечером: песня звучала для тебя!

Тогда моя первая реакция – замешательство. Я думаю: какой удивительный опыт пережили авторы песен, Баттисти и Могол, обратившие такие слова к женщине! Это конкретный, реальный и желанный опыт. А вот мысли о каком-то «Ты» с большой буквы кажутся мне чем-то меньшим. Потом День начала года продолжился, и я довольно быстро отбросила мое замешательство и стала слушать. Со мной были мои подруги. Много из сказанного тобой меня поразило, так что в итоге все прошло хорошо, и я осталась очень довольна. Но, когда я, готовясь к школе общины, взялась за текст, замешательство вернулось. Я спрашивала себя, почему «Ты» кажется мне чем-то меньшим. Я ощутила себя отчасти в роли клоуна (если вернуться к примеру) для самой себя, словно мой опыт веры не заслуживает доверия (даже с моей стороны!). Мой вопрос в этом. Первый ответ, который пришел мне на ум, – довольно глупая поговорка, она даже не выражает толком то, что я хочу сказать: «Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра». Я не совсем так думаю, но именно это сразу же мелькнуло в голове: для меня «Ты» не присутствует сегодня.

Признать это – значит, уже сделать шаг. Первым делом нужно оставить открытым вопрос замешательства и начать, как ты сейчас, со всей свободой смотреть на него. Если вопрос будет открытым, если ты не отметишь его в сторону, мы все сможем узнать, что тебе откроется. Чем больше в нас вопрос, тем проще нам уловить ответ. Вот тебе совет, если хочешь: попробуй пересмотреть твою жизнь, весь твой опыт отношения с «ты», проложившим дорогу к «Ты». В Евангелии мы видим, как зачастую встреча с Иисусом делала людей открытыми чему-то еще. Многие, видя чудеса, говорили: «Благодарение Богу...» Почему они думали о Боге, если встретились с человеком? Есть такие моменты в жизни, когда «ты» несет себе нечто столь

переполняющее, что ты не связываешь его с будущим, оно столь присутствует в опыте, который ты переживаешь, что тебе легко признать его. Порой мы не отдаем себе в этом отчет. Почему? Потому, что для нас все само собой разумеется. Многие из того, что мы рассказываем друг другу каждый день (как, например, история про коллег, удивляющихся иному способу работать), свидетельствует о полноте, о избытке, которое другие люди замечают. Они не обязательно сразу доходят до признания «Ты», но в то же время не могут не признать отличие, инаковость – знак этого «Ты». Как Тайне высказать себя так, чтобы человек признал ее в опыте, не совершая для этого смертельных трюков? Через избыток, через полноту, проявляющуюся в человеческом опыте. Но часто мы, уже только слушая подобные вещи, всё умаляем, и потому, когда потом видим утверждение «Ты» с большой буквы, оно кажется нам, как говорит отец Джуссани, не более чем сказкой. Поэтому-то я и процитировал его слова: «Когда человек просыпается по утрам, когда сталкивается с трудностями, разочарованием, тревогами или помехами, образ Другого [с большой буквы], сопровождающего его [жизнь] <...>, снисходящего до него [такого, какой он есть], чтобы вернуть его самому себе, словно сон» (Ср. Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 21). Вот почему признать собственное замешательство – значит, сделать первый шаг, ведь проблема, как ты сама сказала, касается веры. И именно ради этого мы вместе: чтобы помогать друг другу признавать «Ты». О том же самом идет речь и в другом вопросе, который многие из вас задали мне: что воспитывает память? Одна студентка неделю назад говорила мне: «Я должна была остановиться и взглянуть на происходившее». Мне кажется, она дала мирское определение тому, что мы обыкновенно называем памятью (при этом часто считая ее уже чем-то известным и отправляя в архив). Остановиться, чтобы взглянуть в то, что содержится в нашем опыте, в наших отношениях, в наших свидетельствах. Остановиться и взглянуть, и не подменять необходимость смотреть абстрактными мыслями. Нет. Нужно смотреть на происходившее, как говорилось в первом письме, которое я прочитал сегодня: раньше я не видел, а теперь вижу. Так я начинаю замечать то, что есть, мне не нужно это изобретать или исполнять тройное сальто-мортале, чтобы это придумать. Что-то уже есть! Но зачастую это что-то ускользает от меня. Вот почему необходима работа памяти: нужно остановиться и взглянуть. Работа памяти заключается именно в том, чтобы остановиться и взглянуть. И я спрашиваю у вас: сколько времени вы отводите на такую работу? Кто из вас удивляется, когда останавливается и смотрит? Без этой работы все испаряется, вещи, которые мы слышим, не укрепляют в нас сознание о конкретности «Ты». И в моменты испытаний мы констатируем, что все остальное кажется нам более конкретным, нежели «Ты». Призываю вас проверить, так ли это на самом деле, действительно ли что угодно может быть конкретнее «Ты»! Подумайте об учениках: неужели любой другой аспект обычного жизненного опыта был для них конкретнее той человеческой инаковости, какую они видели, когда оказывались перед Иисусом? И разве мы не находим постоянно и в разнообразных ситуациях ту же самую инаковость среди нас? Или все это лишь наши фантазии?

Я отец четверых детей. Последняя дочь, которой сейчас четыре года, родилась, когда мне было пятьдесят, и потому она для нас – настоящий подарок, неожиданность, с самого начала выбившая нас из колеи и сейчас ежедневно требующая немало сил. И вместе с тем, безусловно, дар. В один прекрасный день, как всегда непростой и полный разных забот, малышка попросила мою жену поиграть с ней. Жена была занята делами, но заставила себя

оторваться от них и стала играть, продолжая думать о проблемах, которые всегда найдутся в семье из шестерых человек. Вдруг дочь сказала: «Мама, ты счастлива заниматься со мной?»

Человек не довольствуется чем угодно! Видите, вот в этом все и дело. Дети схватывают на лету, они не безмозглые куклы. В них с рождения встроен исправный детектор!

Моя жена вплоть до того момента жила со спокойной совестью, ведь, несмотря ни на что, ей удавалось уделять время всем, даже самой маленькой. И поэтому вопрос дочери застал ее врасплох. Он, как ты говоришь, вывел нас из центра и оставил с открытым ртом. Этот вопрос тем вечером в буквальном смысле изменил нас, то как мы находились рядом с нашими детьми. Младшая дочь по-своему выразила и мою нужду и, я уверен, нужду всех нас. Чистая правда: свидетельствовать – значит не быть лучше (те, кто со мной знаком, знают, что тут я всегда терплю неудачу), а быть счастливее, радостнее, как говорит христианская традиция. И я понимаю, что это данность, дар, не зависящий от моих усилий; я сам не смог бы сделать себя счастливее даже на минуту. Он рождается от полноты, от изобилия, от того, что всему предшествует. Ты счастлив, поскольку признаешь дар. Это нечто неотрывное от меня, часть моего «я». Эпизод с дочерью позволил нам, как ты говоришь в последнее время, воочию убедиться, что свидетельство рождается от свободы, которая вдруг находит нечто притягательное, и в ней пробуждается стремление выйти из оцепенения, скуки и ощущения «чистой совести». Свидетельство рождается от «Ты», наполняющего «я» пламенным желанием, от «Ты», делающего мое «я» притягательным прежде всего для меня самого.

Спасибо. «Свидетельство рождается от полноты, от изобилия». Именно полнота свидетельствует о присутствии Другого, потому что мы не можем не признавать, что не даем ее сами себе, не мы ее производим. Это дар. И другие люди тоже его признают. Один человек рассказывал мне, как его сын отправился на конференцию в Америку. Не успел он приехать, кто-то там, в Штатах, спросил у него: «Ты из Движения?» – «Да, откуда ты знаешь?» – «Вы всегда радуетесь». Окружающие моментально улавливают эту инаковость, эту полноту, причина которой, конечно, не в том, что мы лучше, а в присутствии, свидетельствующем о «Ты», в отличном от всех других способе пребывать в реальности. Люди, встречающие нас, «находят нечто притягательное, и в них пробуждается стремление выйти из оцепенения». Вот так и рождается нравственность. У тебя появляется желание действовать, вовлекаться в происходящее, меняться.

Я начала последний год учебы в университете и потихоньку замечаю, насколько разным он может получиться в зависимости от того, как я предстою перед реальностью. Для меня наступил по-настоящему переходный период. Я наблюдаю, как самые близкие мои подруги защищают диплом и выходят замуж, и вдруг ослабевают отношения, которые раньше были частью повседневности. Кроме того, я начала всерьез задаваться вопросом о том, благодаря чему могут оставаться новыми и актуальными события, в которых я участвую почти по привычке. Я пришла на День начала года и ощутила безумную зависть по отношению к людям, которых ты приводил в пример. В них было что-то исключительное, и мне тоже захотелось иметь простое сердце, как у них. Так началась новая и непрекращающаяся работа над текстом: я пытаюсь лучше разобраться в этой исключительности, которая сейчас, после

многих лет, проведенных мной в Движении, вновь захватила меня. Я могла бы процитировать множество отрывков, ставших по-настоящему важными в эти дни, но особенно меня тронул этот: «Когда мы усложняем жизнь и воспринимаем отношение с реальностью как насилие, <...> дело не в том, что все неправильно или плохо. Нет, нет и нет! Проблема в нехватке «Ты», которое позволяет всему – всему! – стать нам дружественным» («Глазами твоими смеется небо – странное, не твое». С. 17). Этот центральный пункт – поиск «Ты» – позволил мне ясно осознать, что от меня требуется, и пробудил во мне желание увидеть воплощенные знаки Его присутствия во всем, что есть, в тех, кто еще остался на факультете, во всех, кого встречаю. Я ощутила призыв, обращенный лично ко мне, словно Иисус в настоящий момент хочет, чтобы я отправилась именно туда. На днях меня познакомили с одной первокурсницей, которая ничего не знала о Движении и только что переехала в наш город. Мы долго с ней говорили, и в конце я пригласила ее на школу общины, поскольку меня поразило, с каким энтузиазмом она воспринимала каждое слово. По окончании встречи она сказала мне: «Мне не хочется никуда отсюда уходить, я чувствую себя главной героиней грандиозной истории». Она решила везде следовать за мной: участвовала в каритативе и первой записалась в группу школы общины из благодарности за встречу, которая с ней случилась. Думая о том, как начался мой год, я понимаю, что метод Бога действительно гораздо удобнее моего собственного. Позволив себе следовать за Его рукой, я снова открыла, что Он, в отличие от меня, отвечая на мои вопросы и на мои страхи, не подпитывает мои рассуждения, а ставит меня перед лицом Своего величия, и делает Он это через конкретные факты (такие, как встреча с первокурсницей). Благодаря энтузиазму той девушки, я вспомнила, какой сама была в начале. Глядя в ее глаза, я каждый день вновь открываю величие истории, которую встретила, и осознаю, как она помогает мне в жизни. В результате я все больше понимаю ценность свидетельства. Для меня три пункта, выделенные тобой в лекции, не являются правилами по обращению новых людей, которых мы встречаем. Они инструменты, позволяющие прежде всего нам самим никогда не замирать на месте. Только так и можно встречать других и позволять последнему из пришедших менять тебя.

Спасибо. Таков метод Бога, благодаря которому мы встречаем девушку и эта девушка становится для нас воодушевляющим даром и сразу же вовлекается во все: «Мне не хочется никуда отсюда уходить». Изменение происходит благодаря той искре, что зажглась в ней, – именно она меняет ее как ничто другое. Ты видишь в этом метод Бога. Если бы только мы были внимательны к Его действиям! Тебе не удалось бы убедить ее твоими силами, даже если бы ты привязала ее к себе. И только метод Бога, который часто кажется нам не слишком эффективным, в состоянии по-настоящему изменить жизнь людей и породить христианскую общину. Как говорится в Деяниях, христианская община, то есть дружба, которой мы живем, прирастала новыми членами. Вот почему, если мы понимаем метод, нам становится легче, ведь в противном случае мы теряем то, что дает нам Тайна. Где бы еще ты могла яснее увидеть Тайну, как не в девушке, которая бросила тебе такой вызов, стала для тебя таким свидетелем?

Я врач. Несколько недель назад я познакомилась с одной женщиной, женой моего бывшего коллеги (который в конце своего профессионального пути стал дружен со мной и несколько приблизился к вере). Ей почти восемьдесят, и у нее воспаление легких. Я навестила ее, и она

мне призналась: «Мне так хотелось увидеть тебя, поговорить с тобой, послушать тебя, потому что я больше не думаю о Боге и время от времени ругаюсь с Ним». Потом она добавила: «Знаешь, я в жизни много чего натворила». Я взглянула на нее недоверчиво, и она продолжила: «Ну да, знаешь, в молодости у меня было желание нарушать правила, особенно связанные с сексуальной жизнью. В результате я попадала в разные переделки, наломала кучу дров. Я даже делала аборт». Тут я перебила ее: «Как это, “аборт”?» – «Ну да, не один – двенадцать». – «И ты не сожалеешь?» – «Да нет, вина-то была не моя. Сейчас мне хочется только шоколаду, а в былые времена и желания были другие...» Тогда я ее спросила: «А тебе не жаль, что тебе не жаль?» – «Нет». Тут я ощутила по отношению к ней такую взволнованность, что никак не могла уйти: от меня же Бог никогда не уходит. Я приблизилась к ней и обняла ее. Она сказала: «Послушай, ты единственная, с кем я могу открыто говорить об этом. – И добавила: – А как можно войти в “Общение и освобождение? Я бы хотела войти. И еще: ты должна заглянуть как-нибудь на ужин, я приготовлю то, что тебе нравится». Я тогда не ответила, я просто не знала, что сказать. Два дня назад она позвонила и сказала: «Мне хотелось услышать тебя, я скучала. Когда ты вернешься?» Я по-настоящему расстроилась, это был вопрос ее жизни, обращенный к моей: есть ли в жизни кто-то, без кого ты жить не можешь? Она вынуждена была спросить: «Когда ты вернешься?», – потому что, если не вернешься, это не жизнь.

«Когда ты вернешься?» Этим все сказано. Вся нравственность человека пробуждена благодаря определенным отношениям. Даже женщина с такой историей за плечами, которую, казалось бы, и подъемным краном не сдвинешь, может ожить «изнутри» благодаря встрече, вновь открывающей путь. Такие крайние примеры помогают нам понять, что даже в ситуациях, когда все распадается, когда в тебе нет даже простейшего сожаления, все равно можно начать заново. И как это сделать? Нужно смотреть, как начинает заново Бог. Порой, пытаюсь действовать своими силами, мы только все разрушаем. Вот почему во время Дня начала года мы говорили о превосходстве События над этикой. И это не значит, что мы отказываемся от этики, просто этика рождается от События. Действительно, когда недостает события, этика тоже сходит на нет. Мы не становимся более нравственными благодаря моралистическим воззваниям, необходимо, чтобы произошло событие. «Когда ты вернешься?» Сегодня мы во многих примерах слышали о желании двигаться, меняться. Откуда оно появляется? Откуда оно берется в каждом из нас? Нужно заглянуть в себя и понять, что приводит нас в движение, как возникает желание изменить ход жизни. Только так может родиться нравственность – этому всегда учил нас отец Джуссани. Нравственность рождается от удивительного ощущения, что тебя обнимают, как это произошло с Закхеем, или Матфеем, или Петром, который после стольких ошибок услышал: «Любишь ли ты Меня?» Вот вызов, брошенный нашему менталиту: с чего, по-нашему, можно начать заново, можно начать меняться – нам и другим людям? Нужно остановиться и посмотреть, как поступает Тайна: «Ты думаешь измениться сам? Тогда я бросаю тебе вызов. Разве Я не знаю, какова человеческая ситуация, разве Я не знаю тебя? Если Я поступаю так, значит, это единственный способ воскресить твое “я”, воссоздать его из пепла».

Veni Sancte Spiritus